

Серия "Литература русской эмиграции"

Иван Лукаш; Сочинения в двух книгах; кн. 2 "Бедная любовь Мусоргского"

Москва; НПК "Интелвак"; 2000

OCR и вычитка: Давид Титиевский, июль 2008 г., Хайфа

Библиотека [Александра Белоусенко](#)

"ПОЖАР МОСКВЫ" ИВ. ЛУКАША

Новое большое произведение Ив. Лукаша "Пожар Москвы" производит первоначальное впечатление неблагоприятное. Требуется даже известное усилие воли, чтобы не поддаться этому первому впечатлению и продолжать "усваивать" эту труднопереваримую книгу. Однако ко второй половине ее читатель как бы примиряется с писателем, и состояние борьбы с трудноусваиваемым материалом все чаще сменяется известным удовлетворением, а иногда даже отрадой. Особенно много таких светлых промежутков в эпилоге, в той части, где описывается пребывание русских в Париже 1814 г. Это -- лучшая часть книги. Быть может, автору следовало бы, приобретя то равновесие духа, ту выдержку и спокойствие, которые замечаются в этой части книги, вернуться к началу -- и наново написать ее с той мерой спокойной и выдержанной обработки, которая чувствуется в этих страницах. В теперешнем ее виде книга производит впечатление недоработанной. Она сделана в той рыхлой, растрепанной манере, которая, конечно, имеет право на существование, но в той лишь мере, в какой небрежность речи психологически объяснима, а тем самым и художественно оправдана. Можно "снебрежничать" от наплыва чувств и мыслей, и в этом будет своя правда и даже своего рода сила. Но нельзя возводить такую манеру излагать свои чувства и мысли в некий раз навсегда принятый и как бы узаконенный стиль. Между тем вся книга Ив. Лукаша написана так, будто автор от волнения и торопливости набрасывал на лету свои фразы на бумагу и так, в черновике, отсылал лист за листом в типографию. Нет следов даже элементарной редакционной чистки стиля! Вместе с тем, все письмо отрывисто-судорожно. Вся книга написана какими-то спазмами, которые утихают лишь по мере удаления от "пожара Москвы".

Тут есть, прежде всего, дефект школы, отсутствие артистического самообладания. Представьте себе артиста, который от волнения стал бы фальшивить и сбиваться с такта, или декламатора, который, приближаясь к патетическому месту, от волнения заговорил бы заикающейся скороговоркой! Но есть тут, в этой внешней манере письма, и отражение некоторых коренных особенностей писательского существа Ив. Лукаша.

Для Ив. Лукаша характерно, что он все и везде хочет взять наскоком, всего добиться темпераментом, нутром, пафосом, внутренним озарением, интуицией. Слов нет, в этом отношении Ив. Лукашу многое дано. Ему действительно присуще некое внутреннее зрение, которое порою открывает ему то, что нельзя найти никаким изучением памятников, никаким, самым пристальным, наблюдением действительности, никакой школой, никаким мастерством. Горизонт его широк, и в душу человека он иногда способен заглянуть очень глубоко. Если ему это удастся, то, однако, лишь в лихорадке творчества, в какой-то поистине писательской горячке, почти что бредовом пароксизме. Горячечным видением отдают почти всегда наиболее сильные места его произведений. Лукаш "выкрикивает" то, что ему "почудилось", -- и иногда это пронзающая правда. Но нельзя же на таком лихорадочном прозрении строить целостное художественное восприятие действительности и нельзя к подобным выкрикам сводить свою манеру художественного изображения. А именно это в значительной мере произошло с Лукашем, -- и свидетельством тому служит большая половина новой его книги.

Беда Ив. Лукаша в том, что он свое нутро не привел в органическую связь с "культурой", не опер на "культуру". Беда Ив. Лукаша -- и он здесь не одинок среди русских писателей -- что его дарование не оправлено достойной его культурой! А замыслы его, вместе с тем, таковы, что требуют для своего выполнения огромной, исключительной культуры.

Необъятен замысел, в частности, последней работы Ив. Лукаша. Это не более не менее, как повторение в расширенном объеме замысла Толстого в его "Войне и мире" и "Декабристах". Художественное истолкование исторических судеб России в свете нашего нового страшного исторического и душевного опыта! Убийство Павла, нашествие двенадцатого года, пожар Москвы в его символической двусмысленности акта и революционно-нигилистического, и патриотически-